Александра Горяшко

Прощание с Дальними Зеленцами

Рассказывают, что, уезжая оттуда, многие плакали. Плакали люди отнюдь не склонные к сантиментам или истерике. Оплакивали вынужденный разрыв с родным. Не естественнее ли было плакать, уезжая *туда*? В крохотный поселок на самом берегу Баренцова моря, дальше которого – только Северный Ледовитый океан. В поселок, попасть куда можно только пароходом, и то - если шторм не помешает (а штормовых дней там 184 в году). В поселок, где почти три месяца стоит полярная ночь, в марте дуют ураганные ветра, а в июне идет снег. Но на протяжении нескольких десятилетий туда уезжали жить и работать выпускники столичных университетов. И несколько поколений биологов – от тех, кому сейчас сорок, и до тех, кому за восемьдесят, – вспоминают Дальние Зеленцы как лучшее время своей жизни и навсегда считают себя зеленчанами.

В гавани Оскара

Сегодня Дальние Зеленцы официально являются сезонной биостанцией Мурманского морского биологического института - ММБИ. Разнообразные источники, описывая историю ММБИ, начинают ее отсчет аж с 1882 г. Конечно, никакого Мурманского института (и даже самого Мурманска) в 1882

г. в помине не было. Но в этом году была создана на Соловецких островах первая русская северная биостанция. Она проработала всего 17 лет, после чего была буквально изгнана с Соловков сменившимся монастырским начальством. Биологи не пожелали смириться с такой потерей и, в поисках нового места для станции, забрались существенно дальше на север – в Екатерининскую гавань Кольского залива. Станция переехала с Белого моря на Баренцево, и стала называться – Мурманская. Здесь станции удалось продержаться в два раза дольше, однако в 1933 г. она вновь была изгнана начальством – теперь уже не монастырским, а государственным – требовалось освободить место для базы Северного морского флота. Если при изгнании с Соловков станция лишилась только удобной базы и налаженного быта, то изгнание 1933 года обошлось гораздо дороже. Одиннадцать человек были заключены в концлагерь или отправлены в ссылку, еще одиннадцать получили сроки условно. Но живучесть идеи о создании биостанции оказалась поистине удивительна. Даже после столь сокрушительного разгрома станция не исчезла, а лишь перебазировалась в места еще более глухие и безлюдные. Тактика, использовавшаяся многими в то людоедское время.

Одним из сотрудников уничтоженной Мурманской станции был Евгений Михайлович Крепс. Еще в 20-х гг., при поддержке И.П. Павлова, он организовал на Мурманской станции лабораторию сравнительной физиологии, и совмещал работу на станции с работой в Военно-медицинской академии. Вместе с другой станционной молодежью он был арестован в 1933 г., но ему повезло, - он отсидел только месяц. Вероятно, он был одним из тех упрямцев, которые упорно не желают смиряться с судьбой и пренебрегают ее предупреждениями.
Уже на следующий год после закрытия Мурманской станции, Е.М.Крепс обратился к директору Института Экспериментальной Медицины (ВИЭМ) Л.Н. Федорову, рассказал ему «как активно поддержал И.П. Павлов создание физиологической лаборатории на Мурманской биологической станции и в каком трудном положении оказались теперь физиологи и другие биологи, лишившись своей станции на Мурмане. Л.Н. Федоров, полный организаторского пыла, тут же воскликнул: «Надо создать новую биологическую станцию! Беретесь вы за организацию этого дела?»[1].

И Е.М. Крепс за это дело взялся. В экспедицию по выбору места новой станции он пригласил архитектора А. Ф. Рюмина и профессора Ленинградского университета К.М. Дерюгина, также многолетнего активного сотрудника уничтоженной Мурманской станции. К ним присоединилась небольшая исследовательская партия Ленинградского университета: Е. Ф. Гурьянова и два студента. В этой экспедиции не было чужих, все они проработали на Мурмане много лет. И еще до начала поездки они уже знали,

куда пойдут. «Мы решили прямо направиться в бухту Дальне-Зеленецкую как наилучшую гавань на всем Восточном Мурмане» /Дерюгин К.М. 1948/. Обследование ее показало, что они не ошиблись. Бухта Оскара в Дальне-Зеленецкой губе как нельзя более подходила для строительства станции. От морской зыби ее защищала группа островов, расположенных при входе в губу. Совсем рядом располагалось озеро Промерное – источник пресной воды. Наличие ровных площадок на древней морене позволяло развернуть строительство. Удобна оказалась бухта Оскара и с биологической точки зрения - здесь имелся обширный пляж, а рядом, - каменистая и скалистая литораль, дающая богатый материал для исследовательских работ и учебной практики.

Проект станции. Архитектор А.Рюмин

Замечательно, что в это же первое лето, когда станция существовала лишь в виде эскизного проекта, уже начались первые научные работы. Студенты под руководством Е. Ф. Гурьяновой провели предварительное обследование бухты для изучения биологического материала, который можно получить в пределах губы Дальне-Зеленецкой и ее ближайших окрестностей. А К.М.Дерюгин тем же летом организовал еще одну экспедицию по линии Кафедры гидробиологии и ихтиологии Ленинградского Государственного университета в район будущей Станции.

Зимой 1936 года директором новой станции был назначен зоолог Павел Владимирович Ушаков. В 20-х гг., студентом, он работал на Мурманской станции в Александровске и не забывал о ней никогда: *«В общий облик новой*

станции мне хотелось внести и некоторые архитектурные черты очень дорогой для меня старой станции в Кольском заливе». Зачислены в штат станции первые научные сотрудники - только что окончившие ЛГУ по кафедре гидробиологии В.В. Кузнецов и его жена Т.А. Матвеева, до этого проходившие стажировку на Белом море, на биостанции ГГИ в Умбе. Жить и работать первым сотрудникам пришлось в весьма непростых условиях. В Дальних Зеленцах был лишь небольшой поселок барачного типа с переселенными астраханскими рыбаками. Для сотрудников арендовали комнаты в бараках поселка. На территории будущей станции стояла одна большая палатка – общежитие рабочих и научных сотрудников.

Тем не менее, станция росла на глазах. К 1939 году закончена постройка всех основных станционных помещений: научного корпуса, жилого дома, бани-прачечной, склада. Построен деревянный причал и проведен телефон. Уже в 1937 году биостанция имела 3 моторно-парусных бота, на которых ученые осуществляли экспедиции в прибрежье Восточного Мурмана и выходили в открытое море. Первый том «Трудов» станции был подготовлен к печати в 1939 г. В своих воспоминаниях[2] П.В. Ушаков пишет:

«Передо мной на столе лежит довольно объемистый первый том «Трудов Мурманской биологической станции»… с результатами научных исследований, выполненных в самом начальном периоде организации МБС, когда еще только начиналось строительство основных зданий самой станции…. Мне, откровенно говоря, сейчас не верится, как все это можно было выполнить за столь короткий период? Конечно, все мы были очень молоды, а, главное, был очень дружный коллектив как научных сотрудников, так и строителей, объединенный общими интересами и большим энтузиазмом».

Такое впечатление, что, кроме молодости и энтузиазма, подгоняло их, тех первых, кому мы обязаны существованием станции, еще и некое предчувствие. В 1937 г. был арестован Е.М.Крепс, и осужден на пять лет лагерей. В 1938 г. умер К.М.Дерюгин. В 1939 г. под давлением вынужден уйти с поста заведующего П.В.Ушаков. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт В.В. Кузнецов.

Эхо войны

После войны (во время которой станция была эвакуирована в Среднюю Азию), работы в Дальних Зеленцах возобновились в 1946 г. Дважды тяжело раненный вернулся с фронта В.В. Кузнецов. Он стал директором станции, и, с присущим ему по воспоминаниям «большим энтузиазмом и неиссякаемой

энергией» взялся за восстановление ущерба, нанесенного станции войной. Великая Отечественная война закончилась, но другая война – биологическая, была в разгаре и оказала самое непосредственное влияние на судьбу Дальнезеленецкой станции. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. «вне закона» оказалась не только сама наука генетика, но и множество первоклассных ученых. Изгнанные с работы, живущие под вполне реальной угрозой репрессий из-за несогласия с официальной линией партии в вопросах биологии, они вынуждены были заново устраивать свою жизнь. Так оказался в Дальних Зеленцах М.М. Камшилов - зав. лабораторией феногенеза Института эволюционной морфологии после того как лаборатория его была ликвидирована. Так оказался там Ю.И. Полянский - профессор кафедры зоологии беспозвоночных и проректор ЛГУ, заведующий кафедрой общей биологии и зоологии Педагогического института им. Герцена, уволенный отовсюду как менделист-морганист. Камшилов стал заведовать лабораторией планктона, Полянский - лабораторией зоологии и паразитологии.

Ю.И.Полянский и М.М.Камшилов в Дальних Зеленцах. 1950 г.

С самого начала станция планировалась не только как место научной работы, но и как база студенческой практики. С 1939 до 1941 г. станция принимала студентов, последняя их группа покинула станцию уже в начале войны. Почти

сразу после войны практика возобновилась. Большую роль в занятиях со студентами играл В.В.Кузнецов. *«Наш директор неподдельно, со всей страстью любил море… Не дав нам отдохнуть и опомниться /после приезда/, воспользовавшись тем, что было время отлива, когда обнажается литораль, он буквально потащил нас по скользким от водорослей камням в самую гущу обитателей литорали. Впервые мы увидели водоросли ламинарию, зостеру, фукусы, услышали "шипение" усоногих рачков — балянусов, закрывающих свои раковинки при приближении к ним. С интересом наблюдали мы за движением морских звезд, ежей, голотурий, морских моллюсков — гребешков и т.д. Естественно, впечатление от всего увиденного было сильное, но мне запомнилось еще большее впечатление от самого Владимира Васильевича. У него было такое неподдельное любопытство ко всему, что двигалось, шипело, извивалось перед нами, что мы не могли оставаться равнодушными: Владимир Васильевич с первой прогулки по литорали сумел "зажечь" нас желанием поскорее узнать этот удивительный мир литоральной флоры и фауны»*[3].

Практика студентов ЛГУ в Дальних Зеленцах. 1950 г.

«Зажженные» директором, студенты и молодые сотрудники с головой погружались в прекрасно организованную научную жизнь станции, и главная заслуга в этом принадлежит, судя по всему, в первую очередь М.М. Камшилову и Ю.И. Полянскому. С одной стороны, Зеленцы, безусловно, были для них ссылкой. Ссылкой, гнетущей разлукой с родными, новыми доносами и угрозой новых репрессий. И все же, по сравнению с оставленными столицами, Зеленцы были местом относительной свободы научных исследований, взглядов, общения с молодежью. Личная трагедия репрессированных ученых

обернулась необыкновенной удачей для биостанции. Конечно, Ю.И.Полянский и М.М.Камшилов были не единственными сотрудниками станции, но во многом именно они задавали тон.

Анна Всеволодовна Успенская, работавшая на станции с 1949 по 1952 г., рассказывает: *«Жили в Зеленцах очень дружно и интересно, плодотворно, я бы сказала. Как-то наши учителя умели организовать нашу научную жизнь. Юрий Иванович был очень хороший педагог. Камшилов был очень эрудированный человек с огромной памятью. Его только спросишь: «Где бы почитать на такую-то тему?» Он сразу выложит, на какой странице, в каком номере журнала.… У него все это в голове было. У нас была очень хорошая система семинаров, организованная Камшиловым и Полянским. Раз в месяц мы получали журналы, в том числе и иностранные, немецкие, английские. По всей, полученной с очередным рейсом парохода литературе, нам поручали делать обзор. По всей, а не только по своей специальности, что нас, конечно, сильно развивало. Во-первых, надо было читать на разных языках, во-вторых, охват был шире, чем просто паразитология, ихтиология или гидробиология. Юрий Иванович всегда говорил, это его коронная фраза была: «Уважающий себя ученый должен знать как минимум три языка».*

Понедельник начинается в субботу

Искренняя любовь к морю, убеждение в необходимости широкой эрудиции и знания языков было не единственным, что принесли в Дальние Зеленцы В.В.Кузнецов, М.М.Камшилов и Ю.И.Полянский. Тогда, в конце 40-х, сложился на станции образ жизни, под знаком которого она существовала до самого конца. Здесь выживали лишь те, кто были искренно влюблены в север, в его природу и свою науку. Для них Зеленцы – со всеми своими ветрами, штормами, полярной ночью и удаленностью от «Большой земли» оказывались раем.

Сюда приезжали городские студенты, изучавшие биологию по картинкам в книжке, и впервые видели настоящую тундру и настоящее море, впервые видели живую жизнь литорали. Сюда, на край земли, приезжали зоологи, физиологи, эмбриологи и находили прекрасно оборудованные лаборатории, морские аквариальные, великолепную библиотеку, перевезенную еще из Екатерининской гавани (со старинными книгами, с рукописями Г.А. Клюге), и постоянно пополнявшуюся новыми, в том числе и иностранными поступлениями не хуже, чем академические и университетские библиотеки. Люди, способные оценить все это работали здесь годами и десятилетиями.

В 1958 г. станция была реорганизована в институт, но формальное изменение

статуса никак не сказалось на стиле работы. Тем более, что директором института (до 1963 г.) был М.М. Камшилов.

М.В. Пропп, работавший в Зеленцах в начале 60-х и первым начавший там водолазные работы, описывает как наиболее характерную черту Зеленцов «отношение к работе, как основному содержанию жизни». К.М. Хайлов, сотрудник тех же лет, рассказывает, как научный сотрудник Михайлов ставил опыты на себе: *«Он изучал реакции воспалительного характера и восстановительные реакции - начало заболевания и борьбу организма. Он прошивал нитками собственный бок и потом делал срезы и воспалительные процессы прослеживал на себе самом… Это очень характерно – люди, которые режут себя ради науки».*

«Мы много работали, ходили в морские и береговые экспедиции, охотились, рыбачили. Огромную роль в нашей жизни играло общение. Телевидение там появилось только в 70-х…. От самого дальнего дома до института было 7 минут ходьбы. По ночам институт вновь оживал - народ заполнял лаборатории и, обалдев от непрерывного таращенья в микроскопы и бинокуляры, выходил в фойе рубиться в пинг-понг (настольный теннис).

Станция зимой. 1985 г.

И "понедельник начинался в субботу"... Кто читал одноименную книгу братьев Стругацких - тот поймёт... В этом потрясающем месте была небывалая концентрация интереснейших людей, т.к. из 450 жителей посёлка 259 работали в Институте…. Состав "научников" формировался главным образом из выпускников московского, ленинградского и новосибирского университетов. Всё это были преимущественно люди увлечённые наукой и

Севером. Средний возраст обитателей посёлка, не считая детей, составлял 30-35 лет. Не самодостаточные там не выживали - спивались или уезжали досрочно. Но это случалось редко. В большинстве своем все работали по 15 и более лет»[4].

Необходимо понимать еще одну вещь. Зеленцы были не просто прекрасной базой для научных исследований и студенческой практики. Долгое время они были единственной такой базой России. Вспомним, научная работа в Дальних Зеленцах началась одновременно со строительством станции – в 1936 г. Еще не существует ни одной из нынешних беломорских биостанций. Еще два года остается до официальной даты основания биостанции МГУ, и не менее 15 – до начала ее полноценной деятельности в качестве базы студенческой практики. Только через 20 лет начнется строительство биостанции Зоологического института на Картеше, через 40 лет начнет работать биостанция Петербургского университета на о. Среднем. На существующей (с 1931 г.) станции ГГИ в Умбе свернуты биологические работы, она стала чисто метеорологической. Биостанция К.К.Сент-Илера в Ковде не имеет собственного помещения и после смерти своего основателя (в 1941 г.) прекращает свою деятельность. С 19 века русские зоологи традиционно много и плодотворно работали на Средиземном море – на биологических станциях в Неаполе и Вилла-Франке даже были так называемые «русские столы». Но с начала 30-х гг. эти станции стали недоступны, железный занавес исключал выезд ученых за рубеж.

Призрак станции

К 80-м годам станция в Дальних Зеленцах, по оценкам специалистов, становится лучшей морской биологической станцией России и по оборудованию, и по тем возможностям, которые предоставляет она исследователям. Работы ведутся не только в районе Зеленцов. Институту принадлежат два больших судна, на них совершаются научно-исследовательские рейсы в Норвежское, Гренландское, Печорское, Карское море, ведутся работы на Новой Земле, на Вайгаче, на Земле Франца-Иосифа, на острове Гукера. Российские ученые работают совместно с норвежскими и канадскими коллегами.

Быт постоянных сотрудников, всегда бывший в Зеленцах довольно сложным, практически перестает быть проблемой. Протянуты две линии ЛЭП и телефон, есть своя подстанция. Институтом построены дома для сотрудников – с водоснабжением и центральным отоплением. Работает магазин, почта, пекарня, средняя школа (в последние годы – десятилетка). При институте есть детский сад и даже своя молочная ферма. На институте фактически

«держится» весь поселок – подавляющее большинство местных жителей работают в гараже, на судах, лаборантами в ММБИ…

А потом началась перестройка. Эти, тяжелые для всей страны, времена больно ударили и по всем без исключения биологическим станциям России. Отключили за неуплату электричество на станции МГУ. Лишилась любимого судна «Картеш» биостанция ЗИН. На многих станциях было приостановлено проведение студенческой практики. Научные сотрудники были вынуждены уходить в коммерческие структуры, чтобы прокормить семьи. С жертвами и потерями, но все станции пережили эти годы, сделали главное – сохранили себя.

В 1981 г. директором ММБИ стал выпускник Геолого-географического факультета Ростовского университета, доктор географических наук Г.Г. Матишов. По его инициативе в 1989 г. ММБИ был переведен из Дальних Зеленцов в Мурманск. Необходимость переезда в Мурманск мотивировалась тем, что в Мурманске есть нормальная городская инфраструктура, возможность получить квартиры для сотрудников и высшее образование для их детей. Предполагалось, что на Дальних Зеленцах этот перевод существенно не отразится – биостанция там будет функционировать по-прежнему.

Насколько был обоснован перевод института в Мурманск – вопрос неоднозначный. Многие считают, что делать этого было нельзя ни в коем случае, другие утверждают, что иначе было не выжить. После перевода института в Мурманск население поселка осталось без работы. Поселок был официально закрыт. Его жителей расселили в районе Североморска и Видяево.

До сегодняшнего дня в Дальние Зеленцы приезжают студенты, отдельные исследователи, бывшие сотрудники ММБИ, бывшие жители поселка, которые родились и прожили здесь всю жизнь. Место это существует. Слава Богу, человеку не под силу стереть с лица земли бухту Оскара и речку Воронью, бухту Ярнышную и озеро Промерное, тундру и литораль… Биостанция тоже существует. На бумаге. Существует ли она в реальности, Вы можете решить сами, посмотрев фотоархив.

---

[1] Крепс Е.М. «О прожитом и пережитом».

[2] Ушаков П.В. Из воспоминаний о прошлом // «Отечественные зоологи». Труды Зоологического института РАН. Том 292. С.-Петербург, 2002. Стр. 98-139.

[3] Власова Т. Экспедиции в моей жизни

[4] Ирина Яковлевна Агарова «Пунктиром по жизни».

.

вернуться на главную